

«ПКК — в ОГПУ

Положение в изоляторе, по словам быв<их> заключенных, определенно ухудшилось после приезда в мае 1927 г<ода> Комиссии, приезжавшей для расследования событий, имевших место в октябре 1926.

Началось очень агрессивное "наступление" надзора, видимо, продолжающееся до сих пор.

До приезда Комиссии при подходе заключенных к окну надзор ограничивался криком; после посещения — в камеру вбегает один, чаще несколько надзирателей (т<ак> к<ак> дежурный тотчас призывает соседних надзирателей), стаскивают с окна или табуретки, отпускают нередко отборные площадные ругательства. Был ряд случаев, когда заключенный, подойдя к окну, слышал ругань по своему адресу со стороны часового или прогулочного надзирателя с соседнего двора, т<о> е<сть> лица, не отвечающего за поведение данного заключенного непосредственно и бранящегося, видимо, "из любви к искусству". Бранили не только за нарушение правил, вроде приближения к окну. Однажды, когда заключенная РЫБАКОВА (в июле-августе 1927 г<ода>) шла на прогулку, встретившиеся надзиратели бросили циничное замечание относительно нее. Прогулка потребовала прихода старшего, который не явился. Так как прогулка отказывалась уйти до прихода старшего, был вызван вооруженный караул. Начальник, которому было сделано заявление по этому поводу, вел себя крайне вызывающе.

Обычно же администрация, когда делается заявление о ругани и повторяются сказанные слова, старший надзиратель или начальник "не верят" или заявляют, что надзиратели даже слов таких не знают. Относительно же мер физического воздействия (стаскивания с окон, от дверей и т. д.) обычно начальник заявляет, что подобные меры применяются законно и будут применяться. Нередки ругань, словесные угрозы. При перестукивании спрашивают: "Соскучились; давно вашими головами о стенку не стучали?"

Вообще, поведение надзора крайне нервирует заключенных — например, обычно ироническое обращение надзирателя к камере, где находился старый рабочий с-д — "господа рабочие". Обычен отказ в вызове старших, не выписка продуктов; подслушивание у дверей постоянное днем и ночью, подглядывание в волчок ночью с зажиганием и тушением света. Из этого подглядывания некоторые надзиратели делают себе особое развлечение. Заключенные, сидящие в общих камерах, женщины сообщали, что невозможно переодеться, т<ак> к<ак> чуть ли не ежеминутно открывается волчок.

Жалобы начальнику не помогают. Когда одну из заключенных выпускали в уборную, она неоднократно замечала, что надзиратель смотрит на нее в волчок; когда она закрывала волчок изнутри тряпкой, начинался крик, тряпка выдергивалась в коридор. Вообще, десятиминутное пользование уборной и умывальником часто вело к действиям не только крайне грубым, но и провокационным. Случалось, что какой-либо надзиратель, почему-либо "облюбовав" какую-нибудь камеру или отдельного заключенного, начинал каждый раз минут через 7-8 выгонять его. Когда словесные приказы не помогали, надзиратель врвался в уборную с нецензурными словами, грозя кулаками. Бывали случаи, что заключенных не выпускали в наказание из уборной и держали 25 человек по 30 минут, даже по часу.

Все эти "мелочи", повторяемые изо дня в день, тщательные обыски вещей, когда заключенные на прогулке или в больнице, иногда со взломом

замков, приводят заключенных в очень нервное состояние.

Исключений, смягчений не делается и для больных. Так грузина Шота, молодого юношу, покушавшегося в Ярославском изоляторе на самоубийство и вынужденного из петли, держали против его желаний в одиночке, в то же время, как перевод в одиночку желающих обычно очень затруднен. Анархистку ШУЛЬМАН, заболевшую психически после избиения (не узнавала окружающих, бредила) увезли лечить в Москву; после возвращения за слова "привет товарищи" тот же надзиратель, который избивал в октябре, начал грубо толкать и тащить ее. Первое, что узнали от нее заключенные — "меня опять били".

Не в такой степени, как у надзирателей, но грубовато обращение и у младшего медицинского персонала.

Паек больным по стоимости равен обычному, но так как продукты для больного более дорогие, то порции уменьшаются и многие больные предпочитают получать обычный паек. В обычном пайке для большинства недостаточно хлеба, часто каша-размазня, иногда с сырым салом.

Выписка продуктов за свой счет довольно частая (два раза в неделю), но покупаются лишь немногие продукты и с очень сильной надбавкой. Даже на фунт хлеба делается надбавка копейки в 3 против действительных верхнеуральских цен.

С очень многих, кончавших срок, бывших в изоляторе во время октябрьских событий, взыскивался особый налог при отъезде за "повреждение имущества". Большинство заключенных никаких повреждений не производили. Деньги отбирались при получении их на руки при отъезде уже не в изоляторе, а в ГПУ. Благодаря чему некоторые уезжали совсем без денег, а другие с 4 рублями. Вычиталось за повреждение имущества по 5, иногда и больше рублей (за табуретку взымалось 5 рублей, за дверь — 20 рублей).

В общем, жалобы по Верхне-Уральскому политизолятору сводятся к следующему: 1) Запрещение передавать друг другу газеты, книги, делиться продуктами. 2) Прогулки — всегда те же несколько человек; не меняются, как раньше. 3) Много больных. 4) Молодежи голодно. Дается 1,5 фунта черного хлеба, привозного, хотя на месте есть только белый хлеб. 5) Только две оправки: около 10 минут. Из за этого постоянные стычки. 6) Грубость надзирателей, были случаи ругни "жидами". Начальство покрывает надзор¹.

На письме — помета секретаря ПКК: «Вячеслав Рудольфович дал распоряжение расследовать».

---

¹ ГА РФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 227. Л. 51.